

темы в качестве совокупности взаимосвязанных элементов, образующих интегральное целое, не сводимое ни к одному из этих элементов. На основе системной методологии в криминологии появились различные концепции, которые, во-первых, исследуют преступность как систему, а во-вторых, рассматривают ее взаимосвязь с некоторыми иными саморазвивающимися системами общества – институтом семейных отношений, политикой, экономикой и т. д. Представляется, что системный подход – это методология комплексного исследования сложных объектов как систем, т. е. как объединений элементов, связанных комплексом отношений и выступающих по отношению к внешней среде как единое целое. Системный подход строится на основе ряда принципов. Первый принцип заключается в том, что любая система должна рассматриваться как совокупность взаимосвязанных элементов, подсистем (субсистем). Суть второго принципа состоит в том, что любая система должна рассматриваться, с одной стороны, как подсистема в системе более высокого уровня (надсистеме, суперсистеме), а с другой – как совокупность образующих ее (входящих в нее) подсистем (субсистем) и элементов. Третий принцип акцентирует внимание на том, что исследование любой системы требует анализа всех ее свойств и взаимосвязей.

Системный подход позволяет не только исследовать взаимосвязи между различными уровнями социума, но и строить вероятностные модели развития ситуации с учетом различных факторов риска. В целях оптимизации процесса снижения экономического вреда и повышения эффективности противодействия преступности считаем необходимым активно применять методы криминологического моделирования. В основе использования методов криминологического моделирования лежит построение модели возможной ситуации. При данном подходе параметры модели ставятся в соответствие с исследуемым фактором изучаемого события, варьируя параметры модели, получают сведения о значимости отдельных факторов, об их взаимном влиянии. На основе таких расчетов находят оптимальные соотношения между последствиями события и соответствующими масштабами деятельности правоохранительных органов.

Таким образом, криминологическое моделирование, интегрируя в свою систему процессы прогнозирования и частично планирования, не только позволит создать базу для разработки системы противодействия преступности, но и может послужит отправной точкой для формирования государственной политики в сфере противодействия преступности и обеспечения экономической безопасности.

УДК 343.91-055.2

С.М. Свило

ОСОБЕННОСТИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ЖЕНЩИН

Научный и практический интерес к проблеме преступности женщин объясняется их особым местом в системе общественных отношений, важностью социальных ролей и функций, которые они выполняют, и крайне неблагоприятными последствиями криминальных форм их поведения. Тревожными тенденциями в женском криминальном поведении является снижение возраста преступниц и увеличение количества лиц пенсионного возраста среди осужденных за насильственные преступления, рост рецидива. При этом справедливо мнение ученых о том, что женщина, ставшая на путь повторного совершения преступлений, характеризуется большей степенью социальной и нравственной деформации и хуже мужчины поддается исправительному воздействию.

Установлено, что рецидивная преступность женщин представляет собой самостоятельное специфическое явление, которое существует и эволюционирует по собственным законам, обладая способностью к воспроизводству и самонасыщению. К тому же она выступает условием, негативно воздействующим на состояние преступности несовершеннолетних, связана с проституцией, бродяжничеством, алкоголизмом и наркоманией. Наличие в женской преступности рецидива можно объяснить неэффективностью применения и исполнения первого наказания, поскольку устойчивая антиобщественная установка в сознании и поведении женщины не была устранена.

Результаты проведенного нами исследования позволили выявить определенные закономерности рецидивной преступности женщин. Во-первых, ее удельный вес только с 2005 г. вырос в полтора раза и составил 37,7 %. Две трети опрошенных женщин совершили новое преступление либо в период отбывания наказания, либо отсрочки исполнения наказания, либо испытательного срока при условном неприменении наказания; каждая шестая – в течение первого года после отбытия наказания. Это свидетельствует о том, что уголовно-исполнительные инспекции и органы внутренних дел, осуществляющие превентивный надзор или профилактическое наблюдение за поведением осужденных женщин, не способны в должной мере предупредить преступное поведение таких лиц. Во-вторых, более трети осужденных женщин впервые совершили общественно опасные деяния и были привлечены к ответственности в возрасте до 18 лет, что и оказало определенное воздействие на их последующую противоправную деятельность. В-третьих, уровень специального рецидива выше общего. В соотношении простого, опасного и особо опасного рецидива превалирует простой рецидив. В-четвертых, пик рецидива у женщин приходится на возраст 35 лет (у мужчин – 30 лет). В их числе преобладают неработающие лица, имеющие общее среднее или среднее специальное образование; большинство составляют женщины, прошедшие обязательное профессионально-техническое обучение или переподготовку в исправительном учреждении по узкой специальности. Уровень рецидива у женщин в городе в пять раз выше, чем в сельской местности.

Структура рецидивной преступности женщин относительно стабильна: значительный массив противоправных деяний приходится на преступления против собственности – 35,1 %, преступления против правосудия – 34 %, преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних – 24,2 %. Вследствие этого мнение ряда исследователей о том, что современная преступность женщин носит «пестрый» характер, несколько преувеличено. В настоящее время женщины, допустившие рецидив, наиболее часто совершают кражи имущества – более 25 %, в то время как в первичной преступности женщин удельный вес краж несколько выше – 30,7 %. У женщин, допустивших рецидив, преступления в сфере экономической деятельности практически не встречаются (0,2 %). Причина этого в том, что они реже допускаются к работе в сфере торговли, имея судимость, и не занимают определенных должностей, где есть возможность злоупотреблять служебными полномочиями.

В последние годы обращает на себя внимание факт резкого увеличения количества женщин, совершивших преступления против правосудия – с 2009 г. более чем в полтора раза. В основном это обусловлено ростом двух видов деяний: уклонением от отбывания наказания в виде ограничения свободы и уклонением от отбывания наказания в виде исправительных работ.

Неблагоприятным с криминологических позиций симптомом, свидетельствующим о падении нравов и утрате духовных ценностей в современном обществе, является ежегодный рост числа матерей, уклоняющихся от содержания детей или от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении. За последние 10 лет их количество выросло почти в два раза.

Небольшую группу в этой структуре составляют преступления против здоровья населения (2,6 %). Большинство составляют женщины, привлеченные к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Необходимо отметить резкое снижение в последнее десятилетие хулиганства среди женщин, допустивших рецидив.

Преступления против жизни и здоровья в этой структуре составляют 1,5 %, что ниже ее первичных показателей в три раза. Однако эти деяния значительно различаются по мотивам и целям. Так, если женщинами, осуждаемыми впервые, в большинстве случаев совершены убийство и умышленное причинение тяжких телесных повреждений, вытекающие в первую очередь из семейно-бытовых отношений, то женщинами, допустившими рецидив, в большинстве случаев такие деяния совершаются по корыстным мотивам.

Таким образом, рецидивная преступность женщин в современном обществе является довольно устойчивым и стабильным явлением. Ее состояние в настоящее время специфично, а структура относительно стабильна. Характеристика личности женщин, допустивших рецидив, свидетельствует о преобладании в сознании и поведении таких женщин глубокой антиобщественной установки, что требует применения специфических общепредупредительных и специально-предупредительных мер воздействия на них.

УДК 343.4

А.А. Сёмин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В условиях, когда каждая пятая семейная пара в стране нуждается в оказании медицинской помощи по причине бесплодия, использование современных репродуктивных технологий является одним из возможных, а иногда – и единственным способом реализации права граждан на материнство и отцовство. Как отмечается в Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы, в результате лечения бесплодия методами вспомогательных репродуктивных технологий уже родилось более 600 детей, при этом эффективность данной технологии превышает 40 %.

Правовые и организационные основы вспомогательных репродуктивных технологий, обеспечение прав граждан при их применении закреплены в законе Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях». Закон подробно регламентирует порядок осуществления каждого из видов вспомогательных репродуктивных технологий: экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство и искусственную инсеминацию, устанавливая при этом ряд запретов, ограничений и обязанностей. Применение вспомогательных репродуктивных технологий допускается только в отношении лиц, достигших 18-летнего возраста, обладающих полной дееспособностью (ч. 1 ст. 6); экстракорпоральное оплодотворение и искусственная инсеминация не применяются в отношении пациенток, достигших 50 лет (ч. 2 ст. 6); при применении вспомогательных репродуктивных технологий выбор пола будущего ребенка не допускается, за исключением случаев возможности наследования заболеваний, связанных с полом (ст. 15); услугой суррогатной матери может воспользоваться только женщина, для которой вынашивание и рождение ребенка по медицинским показателям физиологически невозможны либо связаны с риском для ее жизни и (или) жизни ее ребенка, при этом для оплодотворения донорской яйцеклетки могут быть использованы только сперматозоиды ее супруга (ст. 20); суррогатная мать не может одновременно быть донором яйцеклетки (яйцеклеток) в отношении женщины, заключившей с ней договор суррогатного материнства (ст. 22); суррогатная мать обязана проходить медицинский осмотр в сроки, определенные лечащим врачом, выполнять все предписания лечащего врача, передать ребенка (детей) после его (их) рождения женщине, заключившей с ней договор суррогатного материнства, хранить в тайне сведения о заключении договора суррогатного материнства (ст. 23); при искусственной инсеминации пациентка, состоящая в браке, может использовать донорские сперматозоиды только в том случае, если сперматозоиды ее супруга не могут быть использованы по состоянию его репродуктивного здоровья (ст. 24) и т. д. Ряд ограничений установлен на использование половых клеток, эмбрионов (ст. 18).

По решению Конституционного суда от 28 декабря 2011 г. № Р-673/2011 «указанные ограничения оправданны, являются соразмерными и необходимыми для защиты такой конституционной ценности, как здоровье человека, а также материнства и отцовства».

Одной из важнейших гарантий соблюдения указанных выше ограничений является наличие в законодательстве соответствующих мер ответственности. Однако анализ нормативных правовых актов свидетельствует, что механизм ответственности за нарушения, которые могут быть совершены при применении вспомогательных репродуктивных технологий, практически не разработан.

Сегодня в Республике Беларусь зафиксирован ряд общественно опасных деяний в отношении репродуктивных технологий, юридическая оценка которых связана со значительными затруднениями. Существует проблема в квалификации деяний лиц, которые за крупные денежные вознаграждения под видом суррогатного материнства организовали подбор женщин, рождение ими детей и дальнейшую передачу новорожденных заказчикам (чаще всего бездетным семейным парам из ближнего и дальнего зарубежья). При этом в нарушение требований ст. 22 и 24 закона роженица является генетическими матерями новорожденных, поскольку вместо предусмотренного законом экстракорпорального оплодотворения производилась их инсеминация генетическим материалом заказчика (согласно закону при искусственной инсеминации могут быть использованы лишь сперматозоиды анонимного донора или донора из числа родственников пациентки).

Чтобы заказчики имели возможность оформить ребенка в качестве своего собственного, оформляются документы о якобы имевшем месте экстракорпоральном оплодотворении (например, в российской клинике), договор о суррогатном материнстве. В иных случаях документы по суррогатному материнству вообще не оформляются: роженица указывает в качестве отца новорожденного мужчину-заказчика и отказывается от ребенка в его пользу. А женщина-заказчик в дальнейшем усыновляет полученного ребенка.

В содеянном усматриваются все признаки купли-продажи заведомо несовершеннолетнего (п. 1 ч. 2 ст. 181 УК Республики Беларусь). На практике такая ситуация не находит поддержки: правоприменитель склонен оценивать такие действия как наруше-